

18+

Екатерина Семихина

Фигура смерти в расстановках

Екатерина Семихина

Фигура смерти в расстановках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73872285

ISBN 9785006981669

Аннотация

Книга посвящена работе с фигурой Смерти в системных расстановках. Как исключённые умершие (нерождённые, самоубийцы, забытые предки) влияют на жизнь потомков? Как вернуть им место в родовой системе, превратив тяжесть потерь в опору? Практическое руководство для терапевтов и всех, кто готов к встрече с конечностью, чтобы обрести свободу жить.

Содержание

Введение:	5
Часть 1.	22
Глава 1.	22
1.1. Закон принадлежности: каждый имеет право на место	23
1.2. Закон иерархии: время задаёт порядок	27
1.3. Закон баланса (Обмена): невозможность рассчитаться со смертью	30
Заключение: Порядок как путь к исцелению	34
Глава 2.	36
2.1. Смерть как структурный элемент родовой системы	37
2.2. Природа заместительского восприятия: когда тело знает то, чего не знает ум	40
2.3. Различие между «мёртвым» в системе и «исключённым»	45
Заключение:	50
Часть 2.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Фигура смерти в расстановках

Екатерина Семихина

Редактор Ольга Братцева

Корректор Индира Салихова

© Екатерина Семихина, 2026

ISBN 978-5-0069-8166-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение:

Гость, которого не ждали

«Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор».

Эти слова принадлежат французскому моралисту Франсуа де Ларошфуко, и несколько столетий они казались незыблемой истиной. Мы отводим взгляд. Мы придумали тысячи эвфемизмов, чтобы не произносить это слово вслух: «ушёл», «покинул нас», «приказал долго жить», «отдал Богу душу». Мы прячем смерть за больничными ширмами, за кулисами ритуальных залов, за тишиной, которая повисает в доме, когда уходит кто-то очень важный.

Но есть и другая правда. Та, о которой говорил древнегреческий философ Эпикур. Звучит она парадоксально, но в ней скрыто огромное утешение: **«Пока есть мы, смерти нет. А когда приходит смерть – нас уже нет»**. Мы не встречаемся с ней лицом к лицу. Мы встречаемся только с её *последствиями* в мире живых: с пустотой, с невысказанными словами, с тяжестью в груди и с вопросами, на которые нет ответов.

Задумывались ли вы когда-нибудь о том, что происходит в нашей голове в тот момент, когда мы всё же решаемся посмотреть в эту сторону? Современная наука, вооружён-

ная сложнейшей аппаратурой, лишь недавно подтвердила то, о чём догадывались поэты и мистики. Нейробиологи провели эксперимент: они сканировали мозг людей, показывая им страшные картинки. Обычные угрожающие стимулы вызывали бурную реакцию в так называемой инсуле – зоне мозга, отвечающей за оценку угрозы и отвращение. Но когда дело доходило до образов, связанных напрямую со смертью, происходило нечто странное. Инсула... замолкала. **«Смерть уникальна тем, что ускользает от обычных механизмов оценки угрозы в мозге»**, – к такому выводу пришли авторы систематического обзора, опубликованного в журнале *Neuropsychologia*.

Наш мозг попросту не знает, как «переварить» смерть. Для него это не просто опасность, которую можно избежать. Это – территория неизвестного.

Почему я пишу об этом в книге по расстановкам? Потому что метод Берта Хеллингера – это тоже способ заглянуть за горизонт, но не при помощи томографа, а при помощи души. И то, что наука только начинает открывать, расстановщики видят в своей работе уже полвека: смерть – это не просто биологический факт. **В пространстве рода, в душе семьи смерть обладает голосом.**

В этой книге мы поговорим о том, что происходит, когда этот гость приходит не вовремя, когда о нём молчат или когда его присутствие отрицают.

Психология уже давно изучает наше отношение к ко-

нечности. Существует теория управления ужасом (*Terror Management Theory*), которая доказывает: страх смерти – один из главных двигателей человеческого поведения. Он заставляет нас цепляться за культуру, религию, статус – за всё, что, как нам кажется, останется после нас. Но есть и другой путь – не цепляться, а признать. Исследования показывают, что с возрастом многие люди приходят к так называемому нейтральному принятию: они перестают бояться смерти как явления, начиная воспринимать её просто как часть порядка вещей.

Именно об этом порядке вещей мы и будем говорить. О том, как фигура Смерти вписана в иерархию нашей семейной системы. О том, почему ушедшие требуют места за столом живых. О том, как тоска по умершим может быть не только горем, но и скрытой связью с их судьбой.

Есть древняя притча, очень точно описывающая задачу этой книги. В ней говорится о мудром царе, которого по жестокому обычаю должны были после года правления сослать на пустынный остров и обречь на гибель. Но царь этот, узнав о своей участи, заранее отправил на тот остров верных людей, золото и строителей. Он подготовил место. И когда пришло время изгнания, он прибыл не на пустырь, а в цветущий край, где у него был дом.

Смерть и горе часто кажутся нам таким пустынным островом. Мы боимся, что, впустив их в свою жизнь, окажемся в пустоте. Но расстановки учат другому. Они учат тому,

что для Смерти в нашей душе должно быть подготовлено место. Почётное место. Только тогда она перестаёт быть безликим монстром из-за угла и превращается в то, чем является на самом деле, – в великую силу порядка, границу, которая делает нашу жизнь ценной и настоящей.

Книга, которую вы держите в руках, – это попытка совместить взгляд философа, холодный анализ учёного и тёплое бережное сердце практика. Я не буду учить вас «побеждать» смерть. Я предлагаю научиться договариваться с ней. Впустить её в свою картину мира ровно настолько, чтобы она перестала управлять вами исподтишка.

Мы поговорим о тех, кого «исключили», – о нерождённых, о самоубийцах, о забытых дедах и прабабках. О том, как они стучатся в нашу жизнь через болезни, страхи и повторяющиеся сценарии. И о том, как дать им покой, обретя при этом силу для себя.

Потому что, как справедливо заметил писатель Рэй Брэдбери, **«Смерть – это всего лишь остановившиеся часы, потеря, конец, темнота. Небытие»**. Но между этими остановившимися часами и нами живыми есть любовь. И именно она, будучи поставленной в правильный порядок, способна творить настоящие чудеса исцеления.

Добро пожаловать в путешествие к границе, за которой нет тьмы, а есть только покой и благодарность.

Для начинающих расстановщиков: «Как не навре-

Работа с фигурой Смерти – одна из самых ответственных в расстановочной практике. Ошибка здесь может стоить клиенту повторной травмы, а начинающему расстановщику – профессионального выгорания или потери ориентации. Эта глава – о том, как избежать типичных ловушек и сохранить этическую чистоту.

Ошибки новичков при работе с фигурой Смерти

1. Работа без достаточной подготовки. Самая частая ошибка – браться за тему, к которой сам ещё не готов. Новичок может не иметь личного опыта проживания утрат, не проработал свои родовые переплетения и попадает в поле клиента как «пустой сосуд», который легко заполняется чужими тяжёлыми энергиями. Итог – вторичная травматизация или профессиональное выгорание.

2. Игнорирование собственных переплетений. Если у расстановщика есть неоплаканные умершие, суициды в роду, абортированные сиблинги, эта тема будет фонить в его работе. Он может бессознательно избегать определённых фигур или, наоборот, навязывать их клиенту. Обязательная личная терапия и расстановки для себя – условие допуска к работе со смертью.

3. Нарушение границ поля. Желание «помочь лю-

бой ценой» заставляет некоторых расстановщиков слишком глубоко заходить в процесс, не следя за безопасностью. Они не замечают, когда заместитель начинает «уходить» в транс, не останавливают процесс при признаках диссоциации, не заземляют участников. Правило: жизнь и здоровье участников важнее любого красивого решения.

4. Отсутствие завершающих ритуалов. После работы с умершими крайне важно закрыть границу, «отпустить» фигуры, вернуть всех в свои тела. Новички часто пренебрегают этим, считая, что «всё само пройдёт». Не проходит. Клиенты и заместители могут неделями носить в себе остаточные состояния.

5. Любопытство вместо уважения. Спрашивать клиента «А как именно он умер? А что вы при этом чувствовали?» из чистого интереса – ретравматизация. Сбор информации должен быть минимальным и строго функциональным: факты, необходимые для понимания структуры.

Признаки собственной неготовности к работе

Как понять, что вам ещё рано браться за тему Смерти?

- **Личные неоплаканные потери.** Если с момента утраты близкого прошло меньше года-двух, вы всё ещё в остром горе – работайте сначала с собой.
- **Страх собственной смерти.** Если при мысли о смерти у вас начинается паника, холод, желание убежать – это сиг-

нал. Сначала проработайте свой страх с терапевтом.

- **Желание «спасать».** Фантазии о том, как вы «вытащите» клиента из горя, – признак инфантильной позиции. Спасательство ведёт к нарушению границ.

- **Отрицание своих теневых сторон.** Если вы считаете, что у вас «всё проработано», и не замечаете своих слепых пятен – вы в зоне риска.

- **Отсутствие супервизорской поддержки.** Работать с такими темами в одиночку, не имея опытного наставника, опасно.

Супервизия и интервизия как обязательное условие

Регулярная супервизия – не роскошь, а необходимость. Разбирать сложные случаи с коллегами, показывать свои слепые пятна, получать обратную связь – это защищает и клиента, и самого расстановщика. В идеале – иметь постоянную супервизорскую группу или индивидуального супервизора, специализирующегося на системных расстановках.

Этические аспекты

- **Конфиденциальность.** Всё, что происходит в расстановке, остаётся там. Особенно важно хранить тайну семейных историй.

- **Информированное согласие.** Клиент должен понимать, что такое расстановка, какие риски возможны, и дать добровольное согласие.

- **Отказ от работы при неготовности.** Если вы видите, что клиент не готов (острый кризис, психоз, тяжёлая депрессия), вы имеете право и обязаны отказать, направив его к другим специалистам.

- **Уважение к фигуре Смерти.** Не использовать её для «шоу», не манипулировать страхом клиента, не обещать лёгких решений.

Помните: ваша задача – не «победить смерть», а помочь клиенту найти правильное место для неё в своей системе. И для этого вы сами должны быть в порядке.

ПРИЛОЖЕНИЕ. РАБОТА С ДЕТЬМИ И ПОДРОСТКАМИ

Дети и подростки – особая категория клиентов в расстановочной работе. Их психика более уязвима, границы ещё не сформированы, а способность к символическому мышлению развита иначе. Работа с ними требует адаптации методов и повышенной осторожности.

Особенности восприятия детьми темы смерти

Дети до определённого возраста (примерно до 6—7 лет)

воспринимают смерть как обратимую, временную. Они могут спрашивать, когда умерший вернётся, или верить, что он жив, просто уехал. После семи лет приходит понимание необратимости, но эмоциональное проживание всё ещё отличается от взрослого. Подростки же часто отрицают смерть, бравируют или, наоборот, погружаются в глубокую депрессию.

В работе с детьми нельзя использовать те же техники, что и со взрослыми. Заместительство для ребёнка – слишком сильная нагрузка, поэтому детей в расстановках не ставят заместителями. Им нужны более мягкие, игровые форматы.

Этические и организационные требования

- **Обязательное согласие родителей.** Работа с несовершеннолетним проводится только с письменного информированного согласия законных представителей. При этом важно объяснить родителям суть метода и возможные риски.
- **Присутствие родителя.** На расстановке с ребёнком желательно присутствие одного из родителей (или близкого взрослого), который сможет поддержать ребёнка после процесса.
- **Адаптация языка.** Разговаривать с детьми нужно на их языке, избегая сложных терминов, используя метафоры, сказки, рисунки.
- **Безопасность прежде всего.** При малейших призна-

ках дистресса (плач, уход в себя, агрессия) процесс останавливается.

Методы работы с детьми

1. Игровые расстановки с фигурками. Вместо живых заместителей используются игрушки, фигурки, камешки. Ребёнок сам расставляет их на столе или на полу, рассказывая историю. Это позволяет ему дистанцироваться от тяжёлых эмоций и выразить то, что трудно сказать словами.

2. Рисуночные техники. Попросить ребёнка нарисовать свою семью, включая умерших. Или нарисовать «место», где сейчас находится ушедший. Рисунок становится проекцией внутреннего мира и материалом для бережного диалога.

3. Сказкотерапия. Чтение и обсуждение терапевтических сказок, где герои сталкиваются с потерей, помогают ребёнку символически прожить свои чувства. Можно сочинить сказку вместе с ребёнком, где умерший «превращается» в звезду, ангела или доброго духа.

4. Письменные практики для подростков. Подростки могут вести дневник, писать письма умершим (с последующим сжиганием или закапыванием). Важно, чтобы это было добровольно и без принуждения.

5. Ритуалы памяти. Вместе с ребёнком можно создать «место памяти» – уголок с фотографией, свечой, игрушкой умершего. Зажигать свечу в памятные дни, говорить тёплые

слова. Это даёт ощущение связи и контроля.

Тема нерождённых сиблингов

Если в семье были аборты, выкидыши или мертворождённые дети, это может влиять на последующих детей. Ребёнок может чувствовать необъяснимую вину, тревогу, ощущение, что он «занял чужое место».

Как работать: очень мягко, через метафоры. Например, предложить ребёнку представить, что у него есть невидимый братик или сестричка, который всегда рядом. Можно нарисовать его, придумать имя. Важно сказать ребёнку: «Ты не виноват, что он не родился. Ты имеешь право жить своей жизнью». Работа проводится в присутствии родителя, который тоже должен признать нерождённого.

Семейные тайны и дети

Дети очень чувствительны к семейным тайнам. Даже если им ничего не говорят, они «считывают» напряжение, запретные темы, странные реакции взрослых. Это создаёт у них тревогу, фантазии, чувство вины.

Работа с семейными тайнами в присутствии ребёнка требует особой осторожности. Нельзя вываливать на ребёнка правду, которая его травмирует (например, о насильственной смерти или суициде).

Но можно, в зависимости от возраста, дать дозированную информацию: «Был такой человек, он очень страдал и ушёл. Мы его помним и жалеем». Важно, чтобы ребёнок чувствовал: он не один, взрослые справляются и защитят его.

ПРИЛОЖЕНИЕ. РИТУАЛЫ РАЗНЫХ КУЛЬТУР

Люди всегда искали способы оставаться на связи с ушедшими. Ритуалы поминовения, почитания предков, прощания с мёртвыми существуют во всех культурах. Знакомство с ними может обогатить инструментарий расстановщика и дать клиенту дополнительные ресурсы.

Славянские традиции

- **Поминки (9-й, 40-й день, год).** Обязательная трапеза с блинами, кутьёй, киселём. Считается, что душа приходит прощаться, и её нужно накормить. Важен элемент общности: поминают вместе, делятся воспоминаниями.
- **Родительские субботы.** Дни особого поминовения усопших, когда посещают кладбища, заказывают панихиды, приносят еду на могилы.
- **Троица.** В этот день принято украшать дома зелёную и идти на кладбище «встречать» предков.
- **Ритуал «прощения».** Перед похоронами родственники могут попросить у умершего прощения за все обиды – это

помогает завершить отношения.

Что можно взять в практику: идея коллективного поминовения, важность еды как символа связи с предками, возможность прощения в момент прощания.

Мексиканский День мёртвых (Día de los Muertos)

- **1—2 ноября.** Яркий, радостный праздник. Считается, что души возвращаются в мир живых, чтобы побыть с родными.

- **Альтáры (офренды).** Дома или на могилах сооружают алтари с фотографиями умерших, их любимой едой, напитками, сладостями, цветами (особенно бархатцами). Считается, что запах и вкус привлекают души.

- **Катрина и скелеты.** Изображения скелетов в нарядной одежде, смешные и жизнерадостные. Это не страх смерти, а ирония и принятие.

- **Посещение кладбища.** Ночь проводят на могилах, разговаривают с умершими, поют, едят вместе с ними.

Что можно взять в практику: идея праздника смерти, радостной встречи; создание алтаря с любимыми вещами; разговор с умершим как с живым.

Японский праздник Обон

- **Середина августа (или июля в некоторых регионах).** Трёхдневный праздник поминовения предков.
- **Встреча духов.** Зажигают костры или фонари у входа в дом, чтобы души нашли дорогу.
- **Подношения.** На алтарь ставят еду, фрукты, овощи. Монахи читают сутры.
- **Проводы.** В последний день зажигают фонарики и пускают их по воде или в воздух, чтобы души вернулись в свой мир. Танец Бон Одори исполняется в честь предков.

Что можно взять в практику: визуальный образ встречи и проводов через огонь и воду; идея временного визита, после которого нужно отпустить.

Китайский праздник Цинмин (День поминовения усопших)

- **Апрель.** Семьи идут на кладбища, убирают могилы, совершают возлияния (вино, чай), приносят еду, жгут благовония и ритуальные деньги.
- **Важно почтение и порядок.** Приведение могил в порядок символизирует заботу о предках.
- **Единение рода.** В этот день собираются вместе, укрепляют родовые связи.

Что можно взять в практику: важность физической заботы о месте упокоения; ритуал возлияния и кормления; акцент на родовом единстве.

Еврейские традиции

- **Шива.** Семь дней траура после похорон, когда родственники сидят дома, принимают соболезнования, читают поминальные молитвы. Запрещено работать, стричься, радоваться.
- **Ярцайт.** Годовщина смерти. Зажигают поминальную свечу на 24 часа, читают молитву Кадиш. Свеча горит в память об ушедшем.
- **Посещение могил.** В дни постов и перед большими праздниками принято посещать кладбища.
- **Не оставлять цветы.** В иудаизме не принято класть цветы на могилы, вместо этого оставляют камешки как символ вечности и участия.

Что можно взять в практику: чёткая структура траура (шива); идея годового круга (ярцайт); символ камня как вечной памяти.

Индуистские традиции

- **Кремация.** Тело сжигают, чтобы душа освободилась.

Огонь – проводник.

- **Шраддха.** Ритуалы поминовения, проводимые сыном (или ближайшим родственником мужского пола). Подносят шарики из риса и кунжута (пинда), читают мантры.
- **Тарпан.** Подношение воды предкам.
- **Питру-пакша.** 16-дневный период в году, когда особенно важно помянуть предков.

Что можно взять в практику: идея огня как освобождения; важность мужской линии в поминовении; подношение воды как очищения.

Общие элементы

Почти во всех культурах присутствуют:

- **еда и питьё** как символ связи, угощение для ушедших;
- **огонь** (свечи, костры) как проводник и свет для душ;
- **вода** (реки, возлияния) как очищение и путь;
- **определённые дни** (годовщины, специальные периоды), когда граница между мирами тоньше;
- **коллективное участие** – поминают вместе, родом.

Как это использовать в расстановках:

- предложить клиенту создать домашний алтарь предков с фотографиями и свечой;
- включить в работу элементы подношения (поставить

чашку с водой, положить кусочек хлеба для умершего);

- использовать символическое зажигание свечи как признание;
- ориентироваться на традиционные сроки поминовения (40 дней, год) для завершающих ритуалов;
- заимствовать метафоры (огненные фонарики, камешки на могилу) для индивидуальных практик.

Знакомство с этими традициями расширяет наше понимание того, как по-разному можно быть в контакте с ушедшими, и даёт богатый материал для создания собственных, экологичных ритуалов в работе с клиентами.

Часть 1.

Теоретические основы: Система и её границы

Глава 1.

Три закона (Порядка Любви) перед лицом Смерти

«Порядок – это когда каждая вещь знает своё место. Любовь – когда каждой вещи есть место в твоём сердце. Когда порядок и любовь встречаются, возникает исцеление».

Эти слова, которые мог бы произнести мудрый старейшина, на самом деле очень точно описывают суть подхода Берта Хеллингера. Немецкий психотерапевт, прошедший через миссионерскую работу в Южной Африке и изучение психоанализа, в 1990-х годах предложил миру взгляд на человеческую душу, который оказался одновременно шокирующим и целительным. Он утверждал: мы не одиноки. За нашими плечами стоят поколения предков, и их судьбы – жи-

вые и мёртвые, признанные и забытые – продолжают звучать в нашей крови, в наших выборах, в наших болезнях. Когда мы говорим о смерти в контексте семейной системы, мы вступаем на территорию, где привычная логика перестаёт работать. Здесь время течёт иначе. Здесь умершие могут «влиять» на живых, а живые могут «исцелять» умерших – не в мистическом, а в психологическом, душевном смысле. Но чтобы понять это, нам нужно разобраться с тремя фундаментальными законами, которые Хеллингер назвал «Порядками Любви». Перед лицом смерти каждый из них звучит особенно остро.

1.1. Закон принадлежности: каждый имеет право на место

Первый закон звучит просто: каждый, кто когда-либо входил в систему, остаётся её частью навсегда. Это касается не только любимых бабушек и дедушек, но и тех, о ком в семье принято молчать.

Почему это так важно? Хеллингер заметил удивительную закономерность: когда в семье появляется «исключённый» – тот, о ком забыли, кого стыдятся, чьё имя вычеркнули из семейной хроники, кто-то из потомков бессознательно начинает его «представлять». Ребёнок может вести себя так, как будто он – тот самый забытый дядя, погибший на войне. Или девушка может испытывать необъяснимую тоску, повторяя

судьбу прабабушки, умершей в родах и стёртой из памяти.

Кто считается исключённым?

Здесь перечень шире, чем кажется на первый взгляд.

- **Умершие, о которых молчат.** Самая очевидная группа. В советских семьях это могли быть «враги народа», расстрелянные и вычеркнутые из документов. В современных – те, чья смерть была слишком постыдной (самоубийство) или слишком страшной (убийство), чтобы о ней говорить.

- **Нерождённые.** Абортированные дети, выкидыши, мертворождённые. В российской культуре об этих душах принято молчать. Им не дают имён, за них не ставят свечи. Но системно они остаются частью рода. И последующие дети часто «несут» их – чувством вины, что заняли чужое место, или необъяснимой тяжестью.

- **Без вести пропавшие.** Те, чья смерть не была подтверждена ритуалом. Родственники годами ждут, не могут оплакать, не могут отпустить. Эта фигура «висящего между мирами» человека создаёт в системе зону неопределённости, которая проецируется в потомков как тревога и невозможность строить планы.

- **«Чёрные овцы» и изгои.** Те, кого исключили из семейной памяти при жизни: преступники, алкоголики, женщины лёгкого поведения, люди, уехавшие и оборвавшие связи. Их судьбы также продолжают влиять на систему, причём

тем сильнее, чем жёстче было исключение.

• **Предыдущие партнёры.** Если у бабушки был первый муж, погибший на войне, а потом она вышла замуж за другого и сделала вид, что «первого не существовало», этот первый муж остаётся в системе и может влиять на внуков, особенно в вопросах любви и выбора партнёра.

Что говорит наука?

Мы вступаем на зыбкую почву, но именно здесь наука и расстановочный опыт неожиданно встречаются. Феномен, который расстановщики называют «заместительским восприятием» (когда незнакомый человек в группе вдруг начинает чувствовать эмоции и ощущения умершего родственника другого участника), долгое время оставался загадкой.

В 2025 году в авторитетном журнале *The Arts in Psychotherapy* вышла статья, которая вплотную подошла к изучению этого явления. Исследователи признают: «Обычные модели не могут объяснить заместительские восприятия, которые, по-видимому, являются нелокальными». Это означает, что мы имеем дело с феноменом, который бросает вызов классической физике с её принципом локальности (согласно которому объект можно напрямую изменить, только взаимодействуя с ним в непосредственной близости). Авторы проводят параллели с расширенными состояниями сознания, телепатией и синхроничностью Юнга, предполагая,

что в расстановочном поле задействованы механизмы, пока не объяснённые наукой, но существующие и фиксируемые.

Более того, нейробиологи начинают находить подтверждения тому, что наш мозг обрабатывает информацию об умерших иначе. В систематическом обзоре, опубликованном в *Neuropsychologia* в 2026 году, был сделан поразительный вывод: смерть уникальна тем, что ускользает от обычных механизмов оценки угрозы в мозге. Обычные негативные стимулы (например, изображения змей или агрессивных лиц) активируют инсулу – зону, отвечающую за обработку угрозы и отвращение. Но когда участникам экспериментов показывали стимулы, связанные со смертью, активность инсулы... снижалась. Мозг как бы «зависает» перед лицом конечности. Это может объяснять, почему тема смерти так легко вытесняется, почему мы молчим об умерших, но при этом бессознательно несём их бремя.

История из практики

Молодая женщина, назовём её Анна, обратилась с чувством, что «она не имеет права на счастье». Каждый раз, когда в её жизни налаживались отношения или карьера, происходил сбой. В расстановке выяснилось: у бабушки Анны был старший брат, погибший в блокадном Ленинграде подростком. О нём никогда не говорили – слишком тяжело. Но Анна бессознательно «носила» его судьбу: чувство голода (она по-

стоянно боялась нехватки еды), невозможность занять своё место в профессии и отсутствие лёгкости в жизни. Когда фигура умершего брата была признана, поставлена рядом с бабушкой и Анна сказала: «Ты умер, а я живу. Я буду жить за нас обоих», – тяжесть ушла. Место было возвращено, и закон принадлежности перестал работать слепо.

1.2. Закон иерархии: время задаёт порядок

Второй закон гласит: каждый, кто пришёл в систему раньше, имеет приоритет перед теми, кто пришёл позже. В контексте жизни это кажется очевидным – родители старше детей, они дали жизнь, они «первые». Но перед лицом смерти этот закон приобретает особую остроту.

Ранние смерти и их влияние

Когда в роду умирает кто-то, кто пришёл в систему раньше других (дедушка, погибший на фронте до рождения внуков; первый ребёнок, умерший во младенчестве до появления следующих детей), его смерть имеет особый вес. По иерархии он «выше», чем пришедшие позже.

Самая драматичная динамика возникает, когда потомок начинает «смотреть сверху вниз» на предка. Например, внук осуждает деда за то, что тот бросил семью или покончил с со-

бой. В обычной жизни это кажется справедливым: как можно не осуждать плохой поступок? Но системно это нарушение иерархии. Младший не имеет права судить старшего, потому что старший был раньше, потому что именно благодаря его жизни (и даже его ошибкам) младший вообще существует.

Когда внук говорит: «Мой дед был слабаком, он спился», – он ставит себя выше в иерархии. И тогда система восстанавливает равновесие странным образом: внук (или его дети) бессознательно начинает повторять судьбу деда. Как будто бы для того, чтобы восстановить порядок и сказать: «Смотри, я не лучше тебя, я такой же».

Почему самоубийство – особая тема

Самоубийство – самое тяжёлое испытание для закона иерархии. Обычно семья реагирует на суицид двойственно: с одной стороны, горе, с другой – гнев и осуждение. «Как он мог так с нами поступить?» «Это грех». Самоубийцу часто хоронят за оградой кладбища, о нём не говорят, его исключают.

Но с точки зрения системного подхода исключение самоубийцы – самая опасная стратегия. Он был первым? Значит, он имеет место. Он страдал? Значит, имеет право на страдание. Когда мы осуждаем ушедшего таким образом, мы снова нарушаем иерархию (ставим себя выше, в позицию

судьи) и нарушаем принадлежность (исключаем его).

Исследования показывают, что травматический опыт предков может передаваться через поколения. Эпигенетика уже доказала, что следы голода или сильного стресса могут влиять на экспрессию генов у внуков. Но передаётся не только физиология. Передаются и непржитые чувства, и незавершённые ситуации.

Научный взгляд: теория управления страхом смерти

Почему мы так боимся смотреть на ранние смерти в роду? Частично ответ даёт теория управления страхом смерти (Terror Management Theory), разработанная ещё в 1980-х годах и активно подтверждаемая сегодня. Согласно этой теории, осознание неизбежности смерти создаёт потенциально парализующий ужас, с которым психика справляется через сложные защитные механизмы. Мы создаём культурные картины мира, которые придают жизни смысл и обещают символическое бессмертие – через семью, нацию, дела, религию.

Исследование, проведённое на выборке из 1402 британцев во время пандемии COVID-19, выявило любопытную закономерность: тревога смерти связана с идентификацией с группой не линейно, а J-образно. Только когда тревога достигает умеренно-высокого уровня, она начинает толкать человека к поиску принадлежности к чему-то большему, чем

он сам. Это объясняет, почему мы так цепляемся за семейные мифы и одновременно так боимся смотреть в «тёмные» углы родовой истории – слишком высока цена встречи с травмой.

История из практики

Сергей, 45 лет, успешный бизнесмен, жаловался на то, что его преследуют мысли о собственной никчёмности, хотя объективных причин нет. В расстановке выяснилось, что его дед, будучи офицером, попал в плен в первые месяцы войны, был освобождён, но после войны его считали предателем. Дед спился и умер в нищете. В семье о нём говорили с презрением: «Слабак». Сергей бессознательно нёс этот приговор. Когда в расстановке он смог посмотреть на деда не как судья, а как внук – с уважением к тому, что дед прошёл ад плена и выжил, и сказал: «Ты был первым. Я пришёл после тебя. Я принимаю свою жизнь как дар, даже если она пришла через такую боль», – тяжесть ушла. Восстановление иерархии позволило Сергею наконец занять своё место в жизни.

1.3. Закон баланса (Обмена): невозможность рассчитаться со смертью

Третий закон описывает отношения между «давать»

и «братъ». В здоровых отношениях баланс колеблется, но сохраняется: я даю тебе, ты даёшь мне. Если баланс нарушается, возникает напряжение, которое требует компенсации. В случае с родителями и детьми баланс изначально асимметричен: родители дают жизнь, дети берут. Дети могут компенсировать это, передавая жизнь дальше, заботясь о родителях в старости, но окончательно «расплатиться» невозможно.

Перед лицом смерти этот закон сталкивается с непреодолимым препятствием: как отдать что-то тому, кого нет?

Феномен вины выжившего

Когда кто-то уходит, а кто-то остаётся, в душе оставшегося часто поселяется странное чувство: «Почему я, а не он? Я не имею права на эту жизнь, если он её лишился». Это и есть вина выжившего.

Впервые этот термин зазвучал после холокоста, когда психологи заметили, что люди, пережившие концлагеря, испытывают мучительное чувство вины перед погибшими. Сегодня мы знаем, что вина выжившего проявляется в самых разных контекстах: после аварий, терактов, потери близких, военных действий.

Согласно современным классификациям (DSM-5), чувство вины выжившего является одним из симптомов посттравматического стрессового расстройства. Оно может проявляться психологически (навязчивые мысли, апатия, раз-

дражительность, суицидальные мысли) и физически (нарушения сна, головные боли, диспепсия).

Но самое поразительное открытие пришло из нейробиологии в 2024 году. Исследование, опубликованное в *Journal of Affective Disorders*, изучало ветеранов боевых действий с ПТСР. Учёные сравнили две группы: тех, кто испытывал вину за конкретные действия (или бездействие), и тех, кто испытывал вину выжившего – просто за то, что остался жив. Результаты оказались шокирующими: у ветеранов с виной выжившего были обнаружены **структурные изменения белого вещества мозга**.

Методом диффузионно-тензорной визуализации (это сложный вид МРТ, позволяющий видеть проводящие пути мозга) исследователи зафиксировали снижение фракционной анизотропии – показателя, отражающего целостность и организованность нервных волокон, в нескольких крупных трактах белого вещества. Проще говоря, вина выжившего оказалась связана с микроструктурными изменениями в мозге, затрагивающими области, отвечающие за моральное мышление, теорию сознания (способность понимать мысли и чувства других) и эмпатию. У ветеранов с виной за конкретные действия таких изменений не было.

Это открытие меняет всё. Оно говорит о том, что **невозможность «закрыть гештальт» со смертью, невозможность восстановить баланс «брать-давать» с ушедшими буквально перестраивает мозг**. Вина вы-

жившего – не просто метафора и не просто тяжёлое чувство. Это состояние, имеющее нейробиологический субстрат, требующее серьёзного терапевтического вмешательства.

Почему нельзя «расплатиться» со смертью

В расстановках мы видим это каждый день. Человек, несущий вину выжившего, пытается «заплатить» за своё существование: отказывает себе в радости, разрушает отношения, заболевает. Бессознательная логика проста: если я тоже буду страдать, если я тоже умру (или буду жить как мёртвый), тогда баланс восстановится.

Но это ловушка. Со смертью нельзя расплатиться собственной смертью – это не восстанавливает баланс, а лишь добавляет ещё одного мёртвого в систему. Единственный способ – признать, что дисбаланс существует, и принять его как данность. «Да, я живу, а ты нет. Я ничего не могу с этим сделать. Я не могу тебя вернуть. Но я могу чтить твою память своей жизнью».

История из практики

Елена, 38 лет, потеряла младшую сестру в автокатастрофе 15 лет назад. С тех пор её жизнь разделилась на «до» и «после». Она не могла создать семью – каждый раз, когда отношения становились серьёзными, она их разрушала.

В терапии выяснилось: Елена носила глубокое убеждение: «Я не имею права быть счастливой, если её нет». Она бес-сознательно «платила» своей бездетностью и одиночеством за право жить. Работа с виной выжившего включала признание: «Я не виновата в её смерти. Я не могла её спасти. Но я могу жить так, чтобы моя жизнь была достойна нас обеих». Когда Елена разрешила себе счастье, чувство предательства по отношению к сестре начало уходить.

Заключение: Порядок как путь к исцелению

Три закона, о которых мы говорили – принадлежность, иерархия, баланс, перед лицом смерти работают жёстко и безжалостно. Если в системе есть исключённые умершие, кто-то из живых будет их «представлять». Если нарушена иерархия (младший судит старшего), судьба будет восстанавливать порядок через повторение. Если невозможно восстановить баланс со смертью, возникает вина выжившего, которая может перестраивать даже структуру мозга.

Но в этих же законах скрыто и исцеление. Когда умершим возвращают их место – почётное место в памяти и сердце, когда младший кланяется старшему, принимая его судьбу без осуждения, когда живущий принимает свой дар жизни как нечто, что невозможно и не нужно компенсировать смертью, – система успокаивается.

Любовь, поставленная в правильный порядок, перестаёт быть слепой силой, калечащей потомков. Она становится источником силы и благословения.

В следующей главе мы углубимся в природу «морфического поля» и попробуем понять, как именно фигура Смерти присутствует в системе и как наука объясняет то, что растановщики видят десятилетиями.

Глава 2.

Фигура Смерти

в морфическом поле системы

«Есть в природе человека нечто, что заставляет нас чувствовать присутствие тех, кого уже нет. Мы называем это памятью. Но память – лишь слабое эхо того, что происходит в пространстве между живыми и мёртвыми».

Когда мы входим в расстановку, происходит нечто, что трудно описать словами, но что чувствует каждый, кто хоть раз был в этом поле. Пространство начинает дышать. Фигуры, которые мы ставим – живые люди, заместители, вдруг перестают быть просто людьми. Они наполняются. В них появляется что-то, идущее извне. Кто-то чувствует тяжесть в плечах, кто-то – необъяснимую печаль, кто-то – холод, пронизывающий до костей, хотя в комнате тепло.

Это и есть работа морфического поля – это понятие, которое ввёл британский биолог Руперт Шелдрейк и которое удивительно точно описывает то, что происходит в расстановках. По Шелдрейку, существуют невидимые поля, организующие форму и поведение любых систем – от кристаллов до человеческих сообществ. Эти поля обладают памятью. Они накапливают опыт и передают его через простран-

ство и время, не ослабевая с расстоянием.

В этой главе мы шагнём вглубь этого поля. Мы попробуем понять, почему смерть – это не просто событие, а структурный элемент системы. Мы исследуем природу заместительского восприятия – тех странных телесных ощущений, которые возникают у заместителей умерших. И проведём важнейшее различие: чем отличается мёртвый, занимающий своё место, от мёртвого, исключённого и блуждающего в системе как неприкаянная тень.

2.1. Смерть как структурный элемент родовой системы

В обыденном сознании смерть – это конец. Человек умер, его нет, осталась только память. Но системный взгляд предлагает иную оптику: **смерть не устраняет человека из системы, она меняет форму его присутствия.**

Представьте себе стул, на котором всегда сидел дед. После его смерти стул пустует. Но в пространстве семьи этот пустой стул продолжает значить. Иногда на него никто не садится – как будто берегут место. Иногда, наоборот, кто-то из внуков бессознательно выбирает именно этот стул и чувствует себя на нём особенно – то ли защищённым, то ли, напротив, скованным. Стул – это место в физическом пространстве. А в пространстве душевном, системном у каждого умершего тоже есть своё место. И оно либо занято – уважением, памя-

тью, почтением, либо пустует, создавая вакуум, в который затягивает живых.

Смерть как организатор системы

Хеллингер заметил удивительную закономерность: смерть часто оказывается более сильным организующим фактором, чем жизнь. Вокруг умерших, особенно умерших трагически или рано, выстраиваются невидимые структуры, определяющие судьбы потомков.

Пример из практики: в семье, где дед погиб на войне, оставив беременную бабушку, его фигура продолжает влиять на мужчин в роду на протяжении нескольких поколений. Внуки могут чувствовать необъяснимую тревогу, когда достигают возраста деда на момент гибели. Правнуки могут выбирать профессии, связанные с риском, как будто бессознательно ища встречи с той же судьбой. Деда нет уже семьдесят лет, но его смерть продолжает структурировать реальность потомков.

В расстановочном поле эта структура становится видимой. Когда мы ставим фигуру умершего, она часто оказывается не «пустым местом», а фигурой с огромным весом и влиянием. Она может притягивать к себе других членов системы, может отталкивать, может создавать напряжение или, напротив, давать ощущение защиты.

Фигуры большие и малые

В расстановках существует важное различие, о котором пишет психолог-расстановщик Эльвира Осина: есть фигуры малые – близкие, личные: внутренний ребёнок, родители, партнёр, чувства, желания. И есть фигуры большие – они как бы стоят над человеком, как нечто большее: Война, Бог, Род, Природа, Страдание, Покой.

Смерть относится именно к большим фигурам. Она не равна умершему человеку. Умерший человек – это конкретная личность с биографией, характером, судьбой. Смерть – это архетипическая сила, которая пришла и забрала его. И эта сила тоже присутствует в системе. Иногда расстановщики различают: ставить ли фигуру самого умершего, или фигуру Смерти, которая его забрала. Опытный взгляд чувствует разницу. Фигура умершего несёт его личную историю. Фигура Смерти несёт энергию перехода, конца, границы. И обе они важны.

Научные параллели: теория морфических полей

Руперт Шелдрейк, чьи идеи вызывают споры в академической среде, но находят удивительное подтверждение в практической работе, предположил существование полей, организующих поведение систем. Эти поля не являются энергетическими в физическом смысле. Они скорее подобны неви-

димым паттернам, матрицам, которые направляют развитие. Для нас важно следующее: если морфические поля существуют, они включают в себя не только живых, но и мёртвых. Потому что опыт умерших – их страдания, их непрожитые чувства, их незавершённые дела – тоже часть памяти поля. И эта память может активироваться в потомках, особенно если в системе есть незавершённость, связанная со смертью. Исследование 2025 года, о котором мы упоминали в предыдущей главе, признаёт: феномен заместительского восприятия необъясним с точки зрения классических моделей. Он, по-видимому, является нелокальным. Это означает, что информация может передаваться без пространственно-временных ограничений – так, как если бы всё поле системы существовало одновременно, в вечном «сейчас».

2.2. Природа заместительского восприятия: когда тело знает то, чего не знает ум

Самое удивительное в расстановках – это феномен заместительского восприятия. Совершенно незнакомый человек, никогда не видевший умершего родственника клиента, поставленный в расстановочное пространство на его место, начинает чувствовать то, что чувствовал этот умерший. Или то, что чувствует система по отношению к нему.

Тело заместителя становится проводником информации,

идушей из поля. И эта информация часто проявляется через очень конкретные, телесно-ощутимые симптомы.

Холод

Одно из самых частых переживаний заместителей умерших – холод. Человек может стоять в тёплом помещении, но чувствовать, что его буквально пронизывает ледяной ветер. Иногда холод локализован в какой-то части тела – например, леденеют руки или ноги. Иногда это ощущение, что внутри всё замерзло.

Холод – это телесная метафора отсутствия жизни. Там, где смерть, нет тепла кровообращения, нет обмена веществ, нет энергии. Заместитель бессознательно считывает это состояние и воспроизводит его в своём теле.

Онемение и потеря чувствительности

Другой частый симптом – онемение. Заместитель говорит: «Я ничего не чувствую», «У меня пустота внутри», «Мне всё равно». Это не защита и не сопротивление. Это точное воспроизведение состояния мёртвого. Мёртвый действительно ничего не чувствует в нашем, человеческом понимании. У него нет эмоций, нет желаний, нет привязанностей. И заместитель, входя в резонанс с этой фигурой, может временно утрачивать способность чувствовать.

Опытные расстановщики знают: если заместитель говорит «я ничего не чувствую» – это не проблема, а важная информация. Это может означать, что фигура действительно мёртвая. Или что фигура диссоциирована от своих чувств. Различение приходит с опытом.

Пустота

Пустота – близкое к онемению, но не тождественное состояние. Онемение – это отсутствие чувствительности. Пустота – это отсутствие наполнения. Заместитель может чувствовать себя как пустой сосуд, как выжженная земля, как пространство, в котором ничего нет.

Интересно, что пустота может быть разной. Есть пустота покоя – когда мёртвый умиротворён, когда его место в системе признано. И есть пустота тоски – когда мёртвый не может уйти, когда его что-то держит, когда он «застрял» между мирами. Заместители часто различают эти оттенки, если у них есть навык телесной чувствительности.

Желание лечь

Один из самых сильных и пугающих для новичков симптомов – непреодолимое желание лечь, упасть, опуститься на пол. Тело буквально тянет вниз, гравитация становится невыносимой, стоять трудно, хочется закрыть глаза и лечь.

Это прямое выражение энергии смерти. Мёртвые лежат. И когда живой человек входит в контакт с фигурой умершего, особенно если умерший не нашёл покоя, его тело может начать воспроизводить это положение.

В практике расстановок это желание лечь – важный диагностический признак. Оно говорит о том, что в системе есть умерший, который не принят, не оплакан, не отпущен. Или что кто-то из живых находится в сильной идентификации с умершим, буквально готов последовать за ним.

Тяжесть и давление

Помимо холода и желания лечь, заместители часто чувствуют тяжесть – на плечах, на груди, на всём теле. Это может быть давление, как будто что-то давит сверху. Или ощущение, что тело налито свинцом.

Тяжесть – это бремя непрожитой судьбы. Это вес того, что не случилось, не сказалось, не завершилось. Или вес вины, которую несёт система за исключение умершего.

Научный взгляд: что говорит нейробиология?

Мы уже упоминали исследование 2026 года, показавшее, что мозг обрабатывает смерть иначе, чем другие угрозы. Но есть и другие данные, приближающие нас к пониманию заместительского восприятия.

Зеркальные нейроны, открытые в 1990-х годах, объясняют, почему мы можем «чувствовать» другого человека. Когда мы видим, что кто-то плачет, наши зеркальные нейроны активируются так, как будто мы плачем сами. Это основа эмпатии.

Но в расстановках происходит нечто иное. Заместитель не видит чувств умершего – он их не знает. Он просто стоит на определённом месте в пространстве. И вдруг начинает чувствовать то, что чувствовал этот человек при жизни. Или то, что система чувствует по отношению к нему.

Это выходит за рамки работы зеркальных нейронов. Это предполагает существование какого-то иного канала восприятия, который пока не описан наукой, но существование которого признаётся исследователями, изучающими феномен расстановок.

Пример из практики: холод в летний день

На семинаре в Москве жарким июльским днём женщина средних лет вызвалась быть заместителем для фигуры – как выяснилось позже, прадеда клиентки, погибшего в сталинских лагерях. Едва она встала на обозначенное место, как её начало трясти. «Мне холодно, – сказала она. – Очень холодно, как будто я раздетая стою на морозе». Через несколько минут у неё начали стучать зубы, хотя температура в зале была под тридцать градусов.

Когда расстановщик спросил клиентку, что известно о смерти прадеда, та ответила: «Его арестовали зимой, отправили этапом на Север. Он умер в лагере от истощения и холода через полгода. Тело так и не нашли».

Заместитель не знала этой истории. Она не могла её знать – информация не была озвучена до расстановки. Но её тело точно воспроизвело состояние человека, умиравшего от холода. Это и есть работа поля.

2.3. Различие между «мёртвым» в системе и «исключённым»

Одно из важнейших различий, которое необходимо сделать для понимания системной динамики, – это разница между мёртвым, занимающим своё место, и мёртвым исключённым. На первый взгляд, оба мертвы. Обоих нет в мире живых. Но в пространстве системы они присутствуют совершенно по-разному.

Мёртвый на своём месте

Представьте кладбище, за которым ухаживают. Могилы убраны, цветы свежие, имена на памятниках можно прочесть. Родственники приходят, поминают, разговаривают. Есть место для скорби, но есть и место для жизни.

В системном смысле мёртвый на своём месте – это

тот, кто:

- признан членом семьи;
- оплакан (горе прожито, хотя бы в достаточной степени);
- о ком можно говорить, вспоминать, поминать;
- кому оказаны почести, соответствующие культуре и традиции.

Когда мёртвый на своём месте, он не «давит» на живых. Он как бы стоит за их спиной, поддерживая, благословляя. Живые могут обращаться к нему за силой, но не чувствуют себя обязанными уйти вслед за ним.

В расстановочном поле фигура такого мёртвого обычно спокойна. Заместитель может чувствовать лёгкую грусть, но не тяжесть. Может ощущать тепло или покой. Желания лечь нет, есть скорее чувство завершённости.

Мёртвый исключённый

А теперь представьте заброшенное кладбище, где могилы сровнялись с землёй, где имена стёрлись, где никто не приходит. Или представьте умершего, о котором запрещено говорить, чьё имя вычеркнуто из альбомов, чьё существование отрицается.

Исключённый мёртвый – это тот, кто:

- не признан членом семьи (о нём молчат, его «делают небывшим»);

- не оплакан (горе заморожено, запрещено, не выражено);
- лишён имени и истории;
- выброшен из родовой памяти.

Такой мёртвый становится «блуждающим» в системе. Он не может уйти, потому что его не отпустили. Он не может найти покой, потому что его не проводили. И он начинает влиять на живых – притягивать их к себе, создавать переплетения, «проситься», чтобы его увидели.

В расстановочном поле фигура исключённого мёртвого проявляется иначе. Заместитель чувствует тяжесть, холод, желание лечь. Может быть агрессия или отчаяние. Часто возникает ощущение, что фигура «тянет» к себе, забирает энергию.

Аналогия из мира информационных технологий

Любопытную параллель можно найти в мире компьютерных систем. В операционных системах UNIX существуют понятия «процесс-зомби» и «процесс-сирота».

Процесс-зомби – это процесс, который завершился, но ещё не «отрапортовал» родителю о своём завершении. Он формально мёртв, но его запись ещё остаётся в таблице процессов, занимая ресурсы. Он висит между жизнью и смертью, пока родитель не получит информацию о его завершении.

Процесс-сирота – это процесс, чей родитель завершился неожиданно, оставив потомка без присмотра. Такой процесс должен быть «усыновлён» системным процессом init, иначе он останется висеть в системе, потребляя ресурсы.

Исключённый мёртвый в родовой системе похож и на зомби, и на сироту одновременно. Он не получил должного «отчёта» (оплакивания, признания) и остаётся в системе, занимая место. Он осиротел, потому что связь с живыми прервалась нештатно и его не «усыновили» должным образом.

Пример из практики: две смерти в одной семье

Клиентка Екатерина обратилась с чувством, что «не имеет права жить». В её роду было две ранних смерти: дед, погибший на фронте в 1943-м, о котором в семье говорили с гордостью, и её старший брат, умерший от болезни в трёхлетнем возрасте, за пять лет до её рождения. О брате не говорили никогда. Фотографии убрали, имя не упоминали, как будто его не существовало.

В расстановке фигура деда стояла спокойно, заместитель чувствовал лёгкую печаль и тепло. Фигура брата была тяжёлой, холодной, заместителя буквально тянуло лечь на пол.

Когда Екатерина смогла посмотреть на брата, признать его: «Ты мой старший брат. Ты был первым. Ты умер, а я живу. Я буду жить и тебя буду помнить», – тяжесть начала уходить. Фигура брата смогла выпрямиться, смогла занять

своё место в системе – уже не как исключённый, а как признанный мёртвый.

Через несколько месяцев Екатерина сказала: «У меня впервые появилось ощущение, что я имею право дышать полной грудью. Как будто груз сняли».

Что делает мёртвого исключённым?

Исключение происходит не по злему умыслу. Чаще всего это защита психики от невыносимой боли. Когда умирает ребёнок, матери иногда проще «вычеркнуть» его из сознания, чем жить с этой раной. Когда в роду был самоубийца, семья может молчать, чтобы защитить детей от «позора». Когда человек погиб насильственной смертью, его имя могут не произносить, чтобы не бередить рану.

Но защита, работающая на уровне индивидуальной психики, на уровне системы даёт сбой. Исключённый не исчезает. Он остаётся и требует признания. И чем сильнее его исключали, тем громче он будет стучаться – через болезни, странные судьбы, повторяющиеся сценарии.

Практическое различие: как понять, мёртвый на месте или исключённый

В расстановочной практике есть несколько маркеров, позволяющих различить эти состояния:

Признак	Мёртвый на своём месте	Мёртвый исключённый
Телесные ощущения заместителя	Лёгкость, грусть, покой, иногда тепло	Холод, тяжесть, онемение, желание лечь
Направление внимания	Фигура смотрит спокойно, часто вдаль или вверх	Фигура может «тянуться» к живым, смотреть на них
Реакция на контакт	Признание даёт умиротворение	Признание снимает тяжесть, иногда вызывает слёзы
Влияние на систему	Поддержка, сила, благословение	Переплетения, повторение судеб, болезни

Заключение: Признание как исцеление

Фигура Смерти в морфическом поле системы – это не метафора и не поэтический образ. Это структурная реальность, с которой приходится считаться, если мы хотим понять законы, управляющие человеческими судьбами.

Мёртвые остаются с нами. Они остаются в памяти поля, в бессознательных движениях нашей души, в повторяющихся сценариях наших жизней. Вопрос не в том, чтобы «изба-

виться» от них или «отпустить» в том смысле, в каком это слово часто употребляют. Вопрос в том, чтобы дать им правильное место. Чтобы они могли быть мёртвыми – спокойно, умиротворённо, завершённо. И чтобы мы могли быть живыми – полноценно, радостно, с благодарностью.

Заместительское восприятие, со всей его странностью и необъяснимостью, – это инструмент, позволяющий нам увидеть то, что обычно скрыто. Через тело, через чувства, через симптомы мы получаем доступ к информации, которая иначе осталась бы недоступной. И эта информация ведёт нас к исцелению.

Когда исключённый получает признание, когда мёртвый занимает своё место, происходит чудо: тяжесть уходит, холод отступает, желание лечь сменяется способностью стоять прямо. Система приходит в порядок. И жизнь наконец может течь свободно.

В следующей главе мы обратимся к конкретным лицам Смерти – к разным способам ухода из жизни и к тому, как каждый из них по-своему влияет на систему. Мы поговорим о нерождённых, о преждевременной смерти, о самоубийстве. И о том, как с каждым из этих лиц можно найти общий язык.

Ключевые мысли главы:

- **Смерть как структура.** Смерть не устраняет человека из системы, а меняет форму его присутствия. Умершие

продолжают влиять на живых, особенно если их смерть была трагической или преждевременной.

- **Заместительское восприятие.** В расстановочном поле тело заместителя может точно воспроизводить состояние умершего – холод, онемение, пустоту, желание лечь. Эти симптомы не являются фантазией, а отражают реальную информацию из поля.

- **Научные параллели.** Исследования признают нелокальную природу заместительского восприятия, необъяснимую классическими моделями. Аналогии с процессами-зомби и сиротами в компьютерных системах помогают понять механизмы «зависания» умерших в родовом поле.

- **Мёртвый на месте vs исключённый.** Критическое различие. Мёртвый, занимающий своё место в памяти и сердце, даёт силу и поддержку. Исключённый, о котором молчат, создаёт переплетения, болезни и повторяющиеся судьбы.

- **Признание как исцеление.** Единственный способ успокоить исключённого – вернуть ему место. Увидеть, назвать, оплакать, почтить. Тогда он перестаёт «тянуть» живых за собой и становится источником благословения.

Часть 2.

Лики Смерти: Феноменология переплетений

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.